

Профессия – Китайнер

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Общаться с Михаилом Григорьевичем Китайнером интересно и легко, но ухо приходится держать востро: грань перехода его монолога от полного серьеза к шутке так тонка, что ее можно не заметить и запросто оказаться «в луже».

Кто такой Китайнер, спросите вы. Вот тут-то и начинаются некие сложности. Журналист – это без сомнений, но без членства в творческом союзе. Писатель («Скорее, человек пишущий» – поправляет меня собеседник), издавший не одну книгу, но опять же без обладания некогда вожделенными корочками, официально фиксирующими принадлежность автора к Союзу писателей. Президент ярославского клуба сатиры и юмора... Сомневаюсь в правомерности употребления прилагательного «бывший», на коем настаивал Китайнер, ибо сам клуб как таковой давно канул в Лету. Издатель – вот это в точку, без дополнений и комментариев.

– Напиши коротко: профессия – Китайнер. Это будет правильно, – советует Михаил Григорьевич.

Но нас в данном случае интересует не сегодняшний статус Михаила Григорьевича, а его путь к нему. Дело было так...

– Когда я родился, никого дома не было. Родители в это время были на огороде и копали картошку. Правда, это не наш огород, но картошку они там копали регулярно... – Насладившись произведенным эффектом, Китайнер поясняет: – Я бы очень хотел именно так начать свое жизнеописание, но это до меня уже сказал замечательный писатель Григорий Горин.

На самом деле родители Миши, конечно же, присутствовали при первом «уа», которым возвестил о своем пришествии в этот мир будущий сатирик. А вот огорода и произрастающей в нем картошки у семьи Китайнеров не было. Мама была библиотечным работником, служила в детской библиотеке имени Некрасова. Папа-плановик работал начальником отдела завода асбестовых технических изделий. Вообще-то родители – киевляне, но получилось так, что во время войны в Ярославле находился эвакуационный лагерь, которым командовал дядя тогда еще не появившегося на свет племянника. Дядя выписал из Киева свою сестру, «чтобы ее немножечко откормить», а после войны и глава семьи вернулся в Ярославль. Потом на свет появился Миша.

Первый раз в библиотеке он оказался в возрасте полутора месяцев. А поскольку первое впечатление, как известно, самое главное, то страсть к книгам Китайнер сохранил на всю жизнь. Даже самое яркое событие детства, которое бережно сохранила память, связано именно с книгами.

– Я прекрасно помню, как научился читать. Было мне тогда пять лет. Долго приставал к старшей сестре, маме, папе, чтобы они мне прочли какую-то подпись под картинкой. Сейчас уже, конечно, не помню, что это была за книжка и почему мне было так важно прочитать именно эту строчку, а не какую-то другую, но факт остается фактом. Когда от меня отмахнулись в очередной раз «Подожди, нам некогда!», я обиделся и прочел сам. Просто взял и прочел. Конечно, мне никто не поверил. Тут же вручили букварь, который я прилюдно прочел за 20 минут. Оказалось, что уже давно умею читать, просто про это не знал.

Когда же тайное стало явным, Миша очень пожалел, что проинформировал о своих неожиданно открывшихся способностях родителей. Потому что обрадованные папа и мама тут же перестали читать мальчику книжки вслух, а заставили самостоятельно постигать все накопленное

веками литературное наследие. Но надо отдать Мише должное: читал он много, взахлеб, мало отличая художественную литературу от научной. Следствием этой книжной всеядности стало полное безразличие к школьной программе.

– Признаюсь честно: я до сих пор не прочел роман Горького «Мать». Хотя сдал его на «отлично» и в школе, и в институте. И даже написал реферат... Но так и не читал.

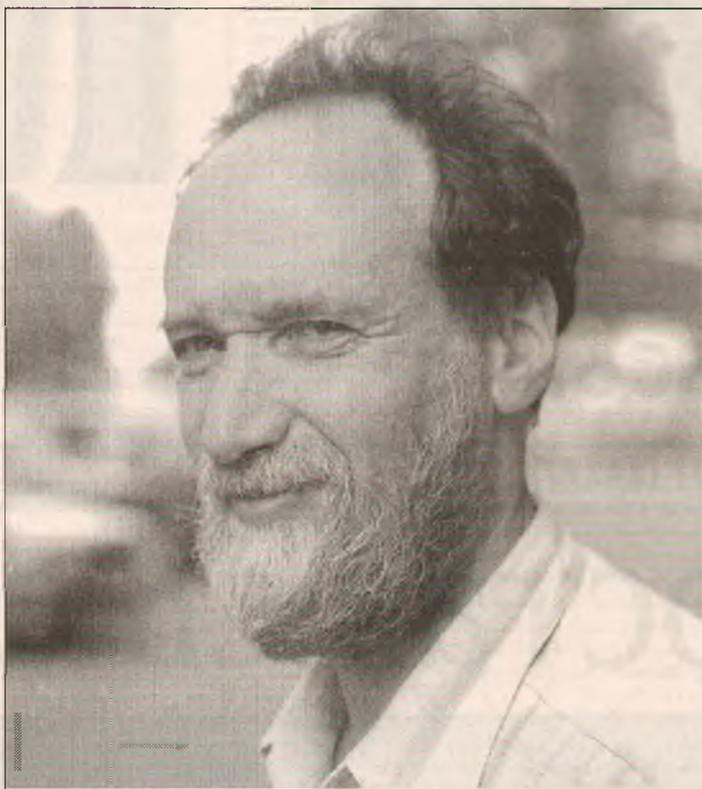
Здесь надо сделать небольшое отступление. Еще до того, как научиться читать, Миша написал свое первое стихотворение. Было юному поэту от роду четыре года. Стих звучал так: «Козлик, козлик, ты куда?» – «Я на речку, где вода. Там водички я напьюсь, а потом домой вернусь».

Михаил Григорьевич, комментируя сей опус, заявил: «Это самое гениальное из написанного мною. Здесь все ясно и лаконично».

А вот при своей книжной «заполненности» стихи Миша читать категорически не любил. Писать – писал, а читать – нет. «Чукча не читатель, чукча – писатель». Любовь к поэзии проснулась, когда во время литературного вечера, посвященного творчеству Маяковского, 12-летний Миша услышал, как Владимир Жельвис читал «Флейту-позвоночник». Чтение это произвело на подростка такое впечатление, что, вернувшись домой, Миша залпом проглотил всего обнаруженного дома Маяковского и полюбил поэзию раз и навсегда.

В доме Китайнеров был культ книги. Культивировать эту страсть было легко – домашняя библиотека насчитывала 4 тысячи томов. А за прочим материальным радостям жизни взрослые, а вслед за ними и Миша, относились более чем прохладно. Посему, когда однажды Мише страстно захотелось иметь велосипед («У всех приятелей были, а у меня – нет»), мальчик даже стеснялся своего мещанского желания. Но мечты имеют обыкновение сбываться – однажды Мише в торжественной обстановке был вручен велосипед.

– Он был огромный, взрослый, я даже не доставал до пе-

далей. Но это была такая ерунда по сравнению с фактом обладания чудо-машиной! С тех пор загнать меня домой было невозможно. Даже зимой я наотрез отказывался ставить в стойло своего железного коня. Как сейчас помню: рассекаю среди сугробов на велике, а сам – в валенках.

Вообще-то Миша был домашним мальчиком, что называется, пайнойкой. Родители были хорошими советскими гражданами и свято верили в торжество ленинских идеалов, несмотря на то, что отец был арестован в 35-м как враг народа и получил десять лет. Слава богу, в те годы это была не расстрельная статья! Мишу воспитывали соответственно. Нет, конечно, детские шалости случались – куда же без них? – но ни одного серьезного проступка, за который было бы стыдно, Михаил Григорьевич не припомнил. Даже когда его поймали за курением...

– Мне в тот день исполнилось семь лет. И вот я, гордый от своей внезапно свалившейся взрослости, вышел во двор. А мне старшие пацаны и говорят: «Что ты, не мужик, что ли?» – и протянули беломорину. Кто ж признается, что он – не мужик? Я важно закурил, был тут же схвачен за ухо соседом и отведен на экзекуцию к родителям. Честно ска-

зал, что больше так не буду. Но, конечно, продолжал курить. Хотя стыдно мне при этом не было.

В школе Миша учился хорошо, но неровно: за периодом двоек следовал пятерочный взлет. И даже пройдя все стадии развития советского ребенка – октябренок, пионер, комсомолец, – возглавил штаб «Комсомольского прожектора». К тому же периоду временно относятся первые публикации в газетах. Михаил Григорьевич до сих пор бережно хранит потрепанное, отпечатанное на машинке удостоверение внештатного сотрудника газеты «Юность».

...Как-то раз он написал маленький смешной рассказ и опубликовал его. Некоторое время спустя позвонил писатель Герберт Кемоклидзе и предложил вступить в клуб сатиры и юмора.

– А я сроду ничего смешного не писал – тот рассказик был единственным. Но в клуб пришел. А там все, как один, пишут смешные рассказы. Мне стало завидно. Написал один, другой... а потом втянулся.

Клуб закрывали, запрещали, отлучали от газет. Но всегда, на любом уровне власти, находились люди, которые понимали: эти ребята не злобствуют, они просто пытаются решать проблемы общества доступными им способами.

...Однажды ярославский Союз писателей пытался запретить вечер сатириков в театре Волкова, поэтому по известному адресу была спущена соответствующая «телега». Но заведующий пропагандой обкома партии написал резолюцию на сценарии юмористов: «Рассмотреть после проведения вечера». Праздник состоялся. Позднее пытались искоренить юмор другим путем: просто закрыли отдел сатиры при газете «Юность». Однако бывший председатель обкома комсомола тут же предложил: «Давайте сделаем клуб при обкоме комсомола».

– Я храню с тех пор удостоверение, где написано, что предьявитель сего есть президент клуба сатиры и юмора Ярославского обкома ВЛКСМ. Документ пользовался большой популярностью – просто толпы сбегались посмотреть на него.

...На этом можно поставить точку. Потому что затем пришли иные времена. И Миша Китайнер, пардон, Михаил Григорьевич стал тем, кто он есть в настоящее время. Журналистом, поэтом, писателем, издателем... Но почему-то мне кажется, что это далеко не последняя страница в яркой биографии моего сегодняшнего собеседника. Он непременно что-нибудь еще придумает. Хотя бы потому, что он – Китайнер.

Лариса ДРАЧ.

